

— Евнух, ну и заставил же ты меня ждать.

В павильонах из нефрит и золота, в позолоченной бронзовой курильнице с чеканными цветами тлел тонкий аромат вистерии, и струйки белого дыма вились в воздухе.

Сидящий на резном ложе император выпрямился. Он приподнял безупречно прекрасное, холодное и зафобленное лицо, а его персиковые глаза были полны горькой обиды.

— Посмотри на себя, евнух, — протянул он. — Сдаётся мне, по сравнению со мной, императором, ты — куда более занятой человек. Вернулся так поздно, и чем же ты занимался?

Пэй Цинъянь слегка прикусил нижнюю губу. Он знал, что Се Чэнъи разозлился, иначе не стал бы называть его евнухом.

В отличие от уважительных обращений остальных, из уст Се Чэнъи это слово всегда звучало с лёгкой, небрежной насмешкой.

От этого его сердце неизменно трепетало и сжималось от напряжения.

Се Чэнъи притянул к себе собирающегося опуститься на колени Пэй Цинъяня, прижал к своей груди, легонько погладил по пояснице и, прихватив губами его губы, принялся их покусывать.

— Ваше Величество, не нужно трогать поясницу... — Пэй Цинъянь обмяк в объятиях императора, и в его глазах мелькнула тень паники.

Тут же пытаясь угодить, он подался вперёд и чмокнул его.

— Ваше Величество, не сердитесь, в следующий раз я вернусь пораньше.

Пэй Цинъянь обвился руками вокруг шеи Се Чэнъи, а его манящий взгляд источал томную негу.

— Что ж, посмотрим на твои старания нынче вечером, евнух.

Пальцы Се Чэнъи подцепили кушак его одежды, и в несколько мгновений все одежды пали на пол.

Пэй Цинъянь с некоторым смущением плотнее свёл бёдра.

— Ваше Величество, не смотрите, это уродливо...

Его голос дрожал.

Се Чэнъи обхватил пальцами его белые бёдра и, склонившись, поцеловал в щеку:

— Цинъянь, раздвинь их. Это не уродливо.

Мягкий, но не терпящий возражений взгляд заставил Пэй Цинъяня ослабить сопротивление, и он покорно подчинился.

Опустив взгляд, Се Чэнъи нежно оглаживал шрамы. Сколько бы раз он ни видел это увечье, сердце каждый раз сжималось от боли, а движения и голос становились всё ласковее:

— Цинъянь, не бойся.

— Ваше Величество~ — Пэй Цинъянь прищурил фениксовы глаза, глядя на него, и любовь в его взгляде лилась через край, не в силах сдерживаться. — Ваше Величество, пожалейте меня~

Се Чэнъи запечатлел поцелуй на его губах:

— Пожалую.

В разгар страсти с губ Пэй Цинъяня сорвался долгий, пронизанный нежностью шёпот:

— Се Чэнъи, я люблю тебя.

Услышав это, Се Чэнъи протянул руку, отводя в сторону его влажные от пот пряди, и склонился, чтобы коснуться поцелуем его лба:

— Цинъянь, я тоже тебя люблю.

За пологом постели Се Чэнъи никогда не скупился на признания в любви.

Милость императора никогда не изливалась в словах для всеобщего обозрения, но Пэй Цинъянь был единственным исключением.

— Чжао Цзюань, подготовь горячую воду.

В голосе Се Чэнъи слышалась ленивая истома. Ожидавший за дверью евнух тут же отозвался.

Лежащий на кровати человек находился в полубессознательном состоянии, а на его теле ещё виднелись следы недавней ласки. Се Чэнъи долго всматривался в его лицо и с нежным выражением утёр пальцем капельку пота с его виска.

— Цинъянь, ты натерпелся, — тихо произнёс он, легко проводя кончиком пальца по бровям и глазам Пэй Цинъяня, словно желая навсегда высечь его черты в глубине души.

Вскоре из-за двери донеслись шаги — горячая вода была готова.

Се Чэнъи поднялся, накинул верхнюю одежду и опустил полог кровати, скрывая человека внутри, и лишь после этого позволил Чжао Цзюаню войти.

— Ступай.

Чжао Цзюань склонил голову и стремглав выбежал прочь. За последний год подобных сцен повторялось бесчисленное множество раз, и поскольку император всегда делал всё сам, он уже привык.

Оказавшись снаружи, евнух достал дневник императорского распорядка и принялся быстро записывать всё пером.

— Цинъянь, я помогу тебе умыться.

Се Чэнъи протянул руку, подхватил Пэй Цинъяня на руки и набросил на него одежду.

Пэй Цинъянь сонный приоткрыл глаза, бросил на него взгляд и ещё сильнее забился в объятия Се Чэнъи:

— М-м.

Видя эти маленькие движения, Се Чэнъи от души залюбовался им, наклонился, поцеловал в губы, тщательно вымыл, а затем отнёс обратно.

Стоило ему самому лечь на кровать, как Пэй Цинъянь перевернулся и уткнулся ему в грудь.

Уголки глаз Се Чэнъи согнулись в ещё более мягкой улыбке, он обнял его за талию и легонько похлопал по спине.

Дворец Хэцин

Се Чэнъи только что закончил обсуждение государственных дел с несколькими сановниками и теперь просматривал доклады, слегка хмурия брови.

— Ваше Величество, отдохните немного, — вошёл Пэй Цинъянь, неся в руках блюдо с пирожными из лотоса.

Подняв взгляд и увидев Пэй Цинъяня, Се Чэнъи мгновенно разгладил брови, и на его лице появилась улыбка:

— Налей мне чаю.

Улыбнувшись в ответ, Пэй Цинъянь слегка склонился рядом с Се Чэнъи и наполнил чашку:

— Ваше Величество, прошу.

Уставившись на его сияющие глаза и улыбку, Се Чэнъи осушил чашку до дна и притянул его к себе на колени:

— Ну просто маленький бесёнок, душу из меня вытряс.

Пэй Цинъянь привычно положил руку на плечо Се Чэнъи и приблизился к его губам:

— Ваше Величество, вам не нравится?

Се Чэнъи прикусил его губу:

— Нравится. До смерти нравится.

— Побудешь со мной, пока я разбираю дела?

Пэй Цинъянь кивнул и устроился рядом с Се Чэнъи. Время от времени он брал одно пирожное из лотоса, подносил его Се Чэнъи — половину отдавал ему, а вторую съедал сам.

— Ваше Величество, что вас так тревожит?

— Похоже, этим министрам совсем нечем заняться. О государственных делах они не радеют, зато моим гаремом интересуются страстно.

Се Чэнъи с раздражением швырнул стопку докладов на пол.

Пэй Цинъянь поднял один из свитков, бегло просмотрел его, слегка поджал губы, собрал все доклады с пола и положил обратно на стол:

— Ваше Величество, не гневайтесь, берегите здоровье. Разве министры не пекутся о продолжении царственного рода? К чему Вашему Величеству так горячиться?

Видя, что Пэй Цинъянь заступает за них, Се Чэнъи рассердился ещё сильнее и снова заключил его в объятия:

— На чьей же ты стороне? Всё норовишь за министров замолвить слово.

Пэй Цинъянь поспешно принялся его умиротворять:

— Конечно же, на стороне Вашего Величества.

Се Чэнъи легонько цапнул его за губы:

— Тогда не смей их защищать. Я уже всё решил: через несколько дней состоится наша свадьба.

Се Чэнъи упорно смотрел на Пэй Цинъяня:

— Я непременно сделаю тебя своей императрицей.

— Ваше Величество, за такое вас назовут правителем-смутьяном, — улыбнулся Пэй Цинъянь.

— Пустяки. Я уже достаточно сделал для этого мира, теперь хочу поступить так, как нужно мне.

В глазах Се Чэнъи читалось такое упорство, которое было невозможно игнорировать.

В груди Пэй Цинъяня шевельнулось чувство, заставив сердце трепетать:

— Ваше Величество...

Се Чэнъи прижал его к себе, крепко-крепко обнимая.

— Ваше Величество, о чём вы больше всего на свете мечтали? — внезапно спросил Пэй Цинъянь.

— Больше всего мечтал... — Се Чэнъи посмаковал эти слова на губах. — Сейчас я больше всего мечтаю взять тебя в жёны.

Пэй Цинъянь ухватился за суть:

— А до этого?

Се Чэнъи легко рассмеялся, и его взгляд стал глубже, словно сквозь пелену времени он разглядывал себя в юности:

— Хотел стать беззаботным удельным князем, которому нет дела до мирской суеты.

— К чему вдруг такие вопросы? — Се Чэнъи опустил голову, глядя на него.

Пэй Цинъянь улыбнулся и прижался к его груди:

Беззаботный удельный князь...

Ваше Величество, позвольте мне увезти вас отсюда, хорошо?

Будем жить свободной жизнью, забыв о мирской суете, хорошо?

— Евнух Пэй, вам письмо.

Пэй Цинъянь развернул послание, и его лицо слегка изменилось:

— Я понял.

Резиденция удельного князя Чэна

— Евнух Пэй побыл мужской шлюхой у Се Чэнъи всего несколько дней — и совсем забыл своё место.

При этих словах пальцы Пэй Цинъяня едва заметно задрожали, но он склонился в поклоне:

— Не смею.

— Вот и славно, что не смеешь, — усмехнулся Сяо Ифэн. — Видимо, Се Чэнъи и впрямь к тебе благоволит, раз решился навлечь на себя гнев всех чиновников ради того, чтобы возвести тебя в императрицы.

Перед Пэй Цинъянем упал доклад, и строчки на нём заставили его горло сжаться от спазма.

— Дёрнулось сердце?

Пэй Цинъянь подавил чужеродные эмоции в душе:

— Нет.

— И прекрасно. Только не вздумай забывать, что ты пообещал нашему князю?

— Не забыл.

— Планы изменились. Переносим на пятнадцатое июня, — Сяо Ифэн опустился в кресло, его голос звучал холодно и отчуждённо.

— Пятнадцатое июня?! — Пэй Цинъянь резко поднял голову.

В день их свадьбы...

— Се Чэнъи уже начал подозревать неладное, мы должны действовать быстрее. Пятнадцатого июня у вас свадьба, он ослабит бдительность.

Пэй Цинъянь молча слушал, не зная, как на это ответить.

Ему хотелось сказать своему Вашему Величеству:

Не играйте свадьбу пятнадцатого июня...

Подходит любой другой день, почему именно пятнадцатое июня?

В глазах Пэй Цинъяня мелькнуло отчаяние.

<http://bllate.org/book/22370/2346138>